B106 — 823

им оккупантам!

вский

ские

во
Обороны

Смерть немецким оккупантам!

Б106223

З. КАЦ, М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

СТАЛИНГРАДСКИЕ СТИХИ

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1943

БИБЛИОТЕКА
774482

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Все мы теперь сталинградцы (песня) 3

Клятва

Перекличка 4
Это клятва вождю и Отчизне 6
За тебя, Россия! 7
Летчику 8
Законы гвардии 10
Я с тобой, защитник Сталинграда! 11

Герои

Отец и сын (сталинградская быль) 13
Воин, победивший смерть 16
Дом на перекрестке 17
Баллада о комбате Сергееве 22
Парень идет молодой 24
Оружье павшего в бою, товарищ, подними . 26

Праздник

Будет праздник и на нашей улице! 27
Плакат 28
Земля украинская 29
Новогодняя песня 31

ВСЕ МЫ ТЕПЕРЬ СТАЛИНГРАДЦЫ

Песня

Кто ты—с Днепра или Дона,
Где твоя родина, брат?
Под боевые знамена
Всех нас собрал Сталинград.
Тучи над Волгой клубятся,
Бой—от зари до зари...
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!
Вспомним, как в бой за Царицын
Шел за отрядом отряд.
Подвиг отцов повторится
В битве за наш Сталинград.
Время с врагом расквитаться,
Ненависть в сердце—гори!
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!
С нами отчизна и Сталин.
Мы не отступим назад,
Чтобы из дымных развалин
Встал наш родной Сталинград.
Будет опять озаряться
Волга сияньем зари...
Все мы теперь сталинградцы,
Все мы теперь волгари!

КЛЯТВА

ПЕРЕКЛИЧКА

Нелегкое лето, суровое лето
В жестоких боях мы с тобой провели,
В пыли и в дыму подымались рассветы,
Закаты тонули в дыму и в пыли.

В задонских степях и в кавказских
предгорьях

Под небом палящим, под вражьим огнем,
Друзья, мы хлебнули соленого горя,
Но, плечи расправив, стоим на своем!

За все, что разбито, за всех, кто убиты,
За испепеленное наше жнивье
Горит, не сгорая, на сердце обида,
И чем ты, товарищ, потушишь ее?

Обида на сердце—и хлеб будет горьким
Обида на сердце—и ты не уснешь,
Ее не утешишь цыгаркой махорки,
Ни песней, ни шуткой ее не уймешь.

Не думай: со временем будет забыта
Земли нашей русской печаль и тоска.
Горит в ней солдатская наша обида,
Гасить ее надо лишь кровью врага!

И если с оружьем сдружилися руки,
И если сроднилась с победой мечта,
Единой судьбой, круговою порукой
Мы связаны накрепко и навсегда.

И линией фронта—по старой привычке—
Сквозь посвист свинца
и сквозь шелест хлебов,
По Дону и Волге идет перекличка,
Гремит перекличка сердец и фронтов.

И если в боях на окраинах Ржева
Победа взмахнула багряным крылом,
То, полные жажды расплаты и гнева,
И мы, сталинградцы, идем напролом.

Победа ответную доблесть рождает,
Так в море волну подымает волна.
Товарищ, запомни: лишь тот побеждает,
Кто месть над врагом совершает сполна!

ЭТО КЛЯТВА ВОЖДЮ И ОТЧИЗНЕ

Сто дорог мы до Волги прошли,
Сто смертей мы в боях миновали,
Горсти нашей родимой земли
На прощанье не раз целовали.
Пыль дорог отступленья горька...
На земле, поседевшей от пепла,
Под холодным мерцаньем штыка
Наше мужество зрело и крепло.
Сталинград! По проспектам твоим
Нас ведут фронтовые дороги,
Точно крепость, одетая в дым,
Громоздятся развалин отроги.
Сталинград! Между ночью и днем
Мы давно потеряли границу:
Ночь твоя полыхает огнем,
День твой гарью и пеплом дымится.
Пусть не все мы пройдем сквозь бои,
Сквозь пылающие перекрестки...
Город-воин! Руины твои,
Даже камни не будут нам жестки!
Только б городу Сталина жить!
И не надо нам лучшего дара,
Чем немецкою кровью тушить
И обиду сердец и пожары.
Тут предел. И ни шагу назад.
Здесь—рубеж между смертью и жизнью.
Даже имя твое, Сталинград,—
Это клятва Вождю и отчизне!

ЗА ТЕБЯ, РОССИЯ!

В Сталинграде тополя сухие
Засверкали снежным серебром.
Вспомним, хлопцы, тополя такие
Возле нашей хаты, над Днепром.

Нам, наверно, не забыть вовеки,
Как вослед нам полыхал закат,
Как за нами аисты-лелеки
Улетали с подожженных хат.

Нам порой над Волгой заснеженной
Чудится прощальный их полет.
Горе Украины полоненной
Нам тогда сильнее сердце жжет.

И тогда в бессмертном Сталинграде,
В полночи, пронизанной свинцом,
Ради жизни, Украины ради
В бой идем мы к западу лицом.

Вместе с нами пахари Полесья,
Хлопкоробы из долины Чу,
По руинам улиц и предместий
На врага идут плечом к плечу.

Тут скрестили руки на оружьи
По закону дружбы и войны
Победители полярной стужи
И памирских пастбищ чабаны.

Казаки-кубанцы и джигиты,
Казахстана славные сыны
В Сталинграде встали на защиту
Завтрашнего дня своей страны.

И в глазах у каждого сверкает
Свет родимых облаков и вод,
Цвет того единственного края,
Что навеки он своим зовет.

За тебя, Россия, в Сталинграде
Мы идем, в одну семью сплотясь,
Ради жизни и победы ради,
Ради счастья каждого из нас!

ЛЕТЧИКУ

Когда ты над степью, седою от пыли,
Ведешь самолет свой во мгле,
И тучи его очертания скрыли,
И звезд не видать на крыле;

Когда ты на Запад невидимой тенью
Проносишься в небе ночном,
По звуку мотора — по сердцебиенью
Мы твой самолет узнаем.

И голову к тучам ночным запрокинув,
Мы в грозное небо глядим.
Нам кажется, друг, ты летишь в Украин
И мы за тобою летим.

Скорее, товарищ! Разбудим Полтаву,
Над Киевом сделаем круг...
К тебе, точно к солнцу увядшие травы,
Потянутся тысячи рук.

И встанут из пепла родные селенья,
Заблещет Днепра синева.
По звуку мотора — по сердцебиенью
Узнают: отчизна жива!

Жива! И в боях не роняет знамена,
Не зная покоя и сна,
В предгорьях Кавказа, у тихого Дона
Сражается насмерть она.

И если на бой, провожая пехоту,
Летишь ты над передовой,
Подстать твоему боевому полету,
И мы поднимаемся в бой.

Единой присягой, единым приказом
Спаяла нас жизнь на войне.
Скорее, товарищ! Предгорья Кавказа,
Задонские степи в огне.

С тобой—и судьбою, и нравом мы схожи,
И клятвой единой живем:
Оружья не сложим и крылья не сложим,
Пока мы врага не убьем.

ЗАКОНЫ ГВАРДИИ

Ты с нами, бессмертная русская доблесть,
Ты—меч богатырский и щит.
Суворовской славы немеркнущий отблеск
На знамени нашем горит.

Где встали гвардейцы стеной нерушимой,
Не смогут прорваться враги.
В атаках стремительных неудержимы
Геройские наши полки.

Законы гвардейцев—простые законы:
— В сраженьи коли и рази,
А если случается: вышли патроны, —
Зубами врага загрызи.

Законы гвардейские не на бумаге
Писались холодным пером,
В бою начертала их наша отвага
Отточенным русским штыком.

Гвардейцы не знают ни в чем промедленья,
И, взяв молодецкий разгон,
Не ведая страха, идут в наступленье,
И в этом—их главный закон.

Гвардейская воля крепка и могуча,
Ее наш народ закалил.
И тот не гвардеец, не лучший из лучших,
Кто немца в бою не убил.

Гвардейскую долю с народной судьбою
Закон породнил вековой:
Гвардеец последним выходит из боя
И первым бросается в бой.

Бессмертная русская доблесть, ты с нами,
Ты—меч богатырский и щит.
Так пусть нашей гвардии гордое знамя
Победно над боем шумит!

Я С ТОБОЙ, ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА!

Я раскрою белый треугольник,
И прочту письмо ребятам вслух.
Пусть узнают, что там пишет школьник,
Мой далекий малолетний друг.
Эти строки—каждому награда
И напутствие в жестокий бой:

—Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

Вместе с лаской этих детских строчек
Нам подарки издалека шлют...
Мне достался синенький платочек,
О котором в песенке поют.

Тут, пожалуй, даже слов не надо,
Все сказал подарок дорогой:

—Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

Мне сегодня автомат вручили,
Я взглянул на вороненый ствол,
На Урале эту сталь варили,
И с Урала я на фронт пошел.
Чудилось: сквозь грохот канонады
Окликается Урал родной:

—Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

И бывает, что в разгаре боя,
Третий диск сменяя набегу,
Перезвон курантов над Москвою
Слышу я на волжском берегу.
И тогда мне кажется, что рядом
Вождь встает в шинели фронтовой:

—Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

ГЕРОИ

ОТЕЦ И СЫН

Сталинградская быль

Нежданной побывке—и рад и не рад—
Приехал Григорий Орлов в Сталинград.

В рассветном тумане стоит Дар-гора,
Зеленые клены шумят у двора.

Скворешник прибит на высокий шесток,
Над старым крылечком—резной петушок.

Тут жизнь начиналась—чиста и светла.
Тут детство резвилось, тут юность цвела.

А в этом окошке сверкали не раз
Лукавые искорки девичьих глаз.

Как грустно на улице этой теперь.
Открыта калитка, распахнута дверь...

Не с доброю вестью пришел он к родным,
Над городом тучи, за городом—дым.

Навстречу бежит поседевшая мать,
Как больно и горько ее обнимать!

Отец на высоком пороге стоит
И скорбно и строго на сына глядит.

Он ввел его в дом, не сказав ничего.
Он трижды по-русски целует его.

Не в силах молчанье стерпеть, наконец,
Григорий тревожно промолвил:—Отец!

Не в гости, не в отпуск домой я пришел,—
Нас путь боевой к Сталинграду привел

Тяжелые танки стоят за бугром,
Мы скоро, наверно, в атаку пойдем.

Заплакала мать, и в глазах у отца
Повисла слеза тяжелее свинца.

—Добро, что проведал,—он сыну сказал
Пришел бы попозже—меня б не застал

Не думай сынок, мол, отец твой стари
Раз дело такое—и я фронтовик!

Пора наступила тряхнуть стариной,
Царицынцы снова становятся в строй.

Сердца не ржавеют, не старится кровь,
И руки к оружию тянутся вновь.

Как мальчик глядит на героя-бойца,
Григорий смотрел на седого отца:

Рабочий картуз со звездою на нем,
Пиджак подпоясан солдатским ремнем.

Совсем по-иному он ласков и строг...
—Ну что ж, посидим на дорогу, сынок.

Огромное солнце багрит горизонт,
И молча Орловы уходят на фронт.

Григорий—на юг, Дар-горой напрямик.
К заглохшим заводам уходит старик.

И если им встретиться не суждено,
И если в сраженьи погибнуть дано,

Как в доме родном, в наши грозные дни,
В грядущих легендах сойдутся они.

ВОИН, ПОБЕДИВШИЙ СМЕРТЬ

Младшему лейтенанту П. ЯБЛОНЬКЕ,
подбившему 8 вражеских танков.

Закатной порою в приволжских степях,
Не старой каргою с косою в руках,
А в скрежете, в лязге металла,
Не в саване легком—в тяжелой броне,
Не в облачной дымке—в дыму и огне
На Яблоньку смерть наступала.

Как должно солдату, он встретил её.
И вместе с патроном вложил он в ружьё
Всю злость, накипевшую в сердце.
Не пал перед вражьими танками ниц.
Очей не сводя с их железных глазниц,
Вступил в поединок со смертью.

Не светом багряным зарделся закат—
Вокруг подожженные танки горят,—
Их сталь бронебойка пробила.
Отхлынули танки. Спустилася ночь.
Не в силах бронею бойца превозмочь.
От Яблоньки смерть отступила.

Но ранен герой и с гранатой в руке
Лежит он на залитом кровью песке,
Усталостью сонной объятый.

С гремящей машины строчит автомат,
Опять поднимается к бою солдат
И смерть отгоняет гранатой.

Теперь до своих бы добраться суметь...
Но снова на Яблоньку целится смерть:—
Навел офицер „парабеллум".
Напрасно! Свинец у виска прогремел,
И ветер бессмертья опять зашумел,
Как знамя, над воином смелым.

И если, товарищ, случится тебе
В жестоком сраженьи, в неравной борьбе
Со смертью-каргой повстречаться,
Ни силы, ни крови своей не жалей,
Как Яблонька, трижды ее одолей,
Чтоб вновь до победы сражаться!

ДОМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Вокруг—руины, щебня груды,
Летает пламя, вьется дым...
А этот дом, каким-то чудом,
Остался цел и невредим.

За переплетом старых рам
Темно. Осыпалась известка.
Открытый четырем ветрам
Горюет дом на перекрестке.

Война сорвала двери с петель
И обдала огнем порог,
И дом, одетый в серый пепел,
От взрывов и ветров продрог.

Но в доме том седьмые сутки,
Забыв про отдых и про сон,
Про дым цыгарки-самокрутки,
Живет, сражаясь, гарнизон.

А в гарнизоне—пять бойцов,
Пять закадычных побратимов:
Лавренко, Дрозд и Кузнецов,
Шапиро и Абдул Касимов.

Вооружение—„Максим",
С полдюжины гранат на брата,
Четыре полуавтомата
Да тысяч пять патронов к ним.

По коридорам запыленным,
Вдоль антресолей и веранд,
Идет начальник гарнизона
Смирнов.
По званию—сержант.

Один этаж. Над ним второй.
Сухой чердак. Крутая крыша...
— Ну, как, Абдул?
— Еще живой!
— Ну, как, Лавренко, дышим?
— Дышим!

И откликается Шапиро,
Заслышав голос командира,
И в перекличку с двух концов
Вступают Дрозд и Кузнецов.

Седьмые сутки дом в осаде,
Но жизнь не утихает в нем,—
Глазами темных окон глядя,
Как повелося в Сталинграде,
Встречает немца он огнем.

Но вот, почти касаясь крыши,
Три „Юнкерса" идут в пике.
Удар—и дым багрово-рыжий,
И тьма, и блеск на чердаке.

Взрывной волной чердак скосило,
Смирнова бросило к простенку...
— Ну, как, Абдул? Молчит
Касимов...
— Лавренко жив? Молчит
Лавренко...

Зелено-серые мундиры
Опять поднялись за бугром.
— Ну, что ж, давай,—сказал Шапиро,
И тотчас снова ожил дом,

Огнем ударив вкривь и вкось,
Как в Сталинграде повелось.

Потом по звездам отдаленным,
По заревам, сомкнувшим круг,
Смирнов в окно увидел вдруг,
Что ночь встает над гарнизоном.

Но враг, от ярости зверея,
Нацеливает с трех сторон
Грохочущие батареи
На неприступный бастион.

Зияют в тонких стенах дыры.
Смирнов зовет своих бойцов:
— Ко мне, Шапиро!
Нет Шапиро...
Молчит сраженный Кузнецов...

Зелено-серая пехота
Рванулась из-за поворота.
Но, поднявшись на полный рост,
В нее швырнул гранату Дрозд,
Потом еще пяток подряд:
— За этот дом. За Сталинград!

И в ночь, о трупы спотыкаясь,
Отхлынул враг. Огнем косым,
Ему вослед, не унимаясь,
Ударил пулемет „Максим".

Когда унялся пулемет,
Смирнов позвал Дрозда, но тот,
В большой руке зажав гранату,

Над подоконником склонясь,
Застыв в движении крылатом
И, как положено солдату,
Грозил врагу и в смертный час.

Потом всю ночь снаряды громом
Рвались над темным перекрестком,
Над всем, что называлось домом,
Но стало щебнем и известкой.

А на рассвете, каски сдвинув,
Весьма довольные собой,
Беспечно автоматы вскинув,
На обгорелые руины
Фашисты двинулись гурьбой.

Чего бояться им? Вокруг
Все выжжено, черно, мертво...
Свое воронье торжество
Идут справлять враги. Но вдруг
Из щебня, из развалин снова
Ударил пулемет Смирнова...

Огнем из мрака запустенья
Врагов сметая и кроша,
Он встал над выжженным селеньем—
Родного пепла и каменьев
Неистребимая душа.

Боец, старик или подросток,
В боях за наше торжество
Припомни дом на перекрестке
И всех защитников его!

БАЛЛАДА О КОМБАТЕ СЕРГЕЕВЕ

Промчались пятьсот громыхающих суток.
Мы много ночей не доспали, и чуток
Был сон наш, когда, затихая, война
Дарила нам краткое время для сна.

Тревожные ночи в ракетах и звездах.
Моторам и тем полагается роздых.
Уж как нашей стали не прочен закал,
Но в этой войне устает и металл.

А мы, перейдя через все переправы,
На отдых, казалось, имели бы право.
Так нет же. Огнем озаряется ночь,—
И надо усталость опять превозмочь.

Бессонница наша! Пусть эта баллада
С тобою идет по ночам Сталинграда,
Чтоб усталь героев развеять стихом,
Строкою взвиваясь над каждым штыком.

...Дрожит от разрывов штабная землянка.
Десятые сутки сражаются танки.
Сергеев, устало зажмурив глаза,
По радио слушает их голоса.

Атака отбита. Стихает сраженье,
И только орудья гремят в отдаленьи.
И снова связные майору твердят:
— Поспать бы вам надо, товарищ комбат.

И вот, окунаясь в туманную дрему,
Сергеев устало прилег на солому...
В досаде на гул канонады ночной,
Газетой свечу заслоняет связной.

И часто в землянке, притихшей и мглистой,
В шуршание карты, в сигналы радиста
Врывается сдержанный разговор:
— К майору? Нельзя! Отдыхает майор.

С горящих окраин, из ночи осенней
По радио снова летят донесенья.
И вдруг сквозь разряды, шипенье и свист
Майора Сергеева слышит радист.

Майор отдает приказанья из танка.
Когда же успел он покинуть землянку?
Когда же он вспомнит про отдых и сон?
Он снова в атаку ведет батальон.

Вперед же, Сергеев! Бессонница наша —
Попутчица гнева, подруга бесстрашья.
Пылает в огне сталинградская ночь.
Нам надо усталость в бою превозмочь.

Взлетая над Волгою флагом крылатым,
Победа приходит к бессонным солдатам,
Чтоб месть над врагом мы свершили сполна,
Как хлеб и патроны, нам бодрость нужна.

ПАРЕНЬ ИДЕТ МОЛОДОЙ...

Комсомольцам, защищающим Сталинград.

Отблеском дальней легенды,
Сумрачный зал осветив,
Звонко слетал с киноленты
Красногвардейский мотив.

Мы его дружно певали
Тихой вечерней порой:
...Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

Песне и юности рады —
Шли мы веселой гурьбой.
Часто казалось нам: рядом
Парень идет молодой.

Все, о чем пели-гадали,
Все совершалося вдруг...
Тучи над городом встали,
Рокот орудий вокруг.

Бьет в барабаны тревога,
Тонет в дыму горизонт.
Пыльной военной дорогой
Юность уходит на фронт.

И, повзрослевший немножко,
Но не сраженный бедой,
Песню ведя под гармошку,
Парень идет молодой.

Трудная жизнь фронтовая, —
Зарева в небе стоят...
Кто ты — тебя я не знаю —
Юный, безвестный солдат.

Как ты стоял непреклонно,
Сталин узнает в Москве.
Юность склоняет знамена
К русой твоей голове.

А недопетую песню
Звонко подхватит другой...
В бой под огнем перекрестным
Парень идет молодой.

На рубежах Сталинграда,
Как долг и как сердце велит,
Несокрушимой преградой
Юное племя стоит.

Юность идет без оглядки
И не отступит назад
Ни перед огненной схваткой
Ни перед горем утрат.

Кто это, встав над поляной,
Первым бросается в бой?
Это к победе желанной
Парень идет молодой!

ОРУЖЬЕ ПАВШЕГО В БОЮ, ТОВАРИЩ, ПОДНИМИ!

Он шел с тобой в одном ряду
По выжженным полям.
С тобой и радость, и беду
Делил он пополам.
Но в дружбе нашей фронтовой
Есть горестный удел:
Упал в бою товарищ твой,
А ты остался цел.
Склонись над ним и обними,
И, как солдат и друг,
Его оружие возьми
Из охладевших рук.
Пускай еще в крови приклад
И пахнет дымом ствол,
Но с ним товарищ твой и брат
Навстречу смерти шел.
Его, как знамя, передай
Другому, набегу...
Оружье павшего пускай
Стреляет по врагу!
Пускай гремит, врагов круша,
Потоками свинца.
Чтоб в нем всегда жила душа
Погибшего бойца;
Чтоб он незримо шел в строю
Меж нашими людьми.
Оружье павшего в бою,
Товарищ, подними!

ПРАЗДНИК

БУДЕТ ПРАЗДНИК И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ!

В эти обгорелые развалины,
В город-сад без солнца и листвы,
Вдохновляющее слово Сталина
Долетело из родной Москвы.

Пусть и камни от огня обуглились,
Пусть пожаром все заволокло.
— Будет праздник и на нашей улице!
Вождь сказал, и стало нам светло.

Над пожаром встало небо синее...
Мы взглянули на него сквозь дым,
И казалось, что в глаза России мы
По солдатски клятвенно глядим.
Будет праздник и на нашей улице,
Вот на этой самой, где сейчас
Голый тополь под огнем сутулится,
Пулями простреленный не раз.

Будет праздник в Киеве и Харькове...
Под тяжелый грохот батарей,
Мы теперь идем в сраженье жаркое,
Чтоб пришел наш праздник поскорей.

Пусть и камни от огня обуглятся,
Пусть опять гремит прибой атак.
Будет праздник и на нашей улице!
Вождь сказал, и это будет так!

ПЛАКАТ

Далеко вперед ушли танкисты,
Первым снегом след их занесло
Первопутком, легким и пушистым,
На рассвете мы вошли в село.
Праздник обновления и счастья
Вместе с нами в каждый дом вошел.
От врага припрятанные яства
Ставит нам колхозница на стол.
Чем богата — щедро, без утайки,
Угощает — потчует ребят.
А потом на радостях хозяйка
Достает припрятанный плакат.
Пожелтела плотная бумага,
Но горят при свете двух окон
Два портрета, два багряных флага,
А меж ними — „Основной Закон".

Мы плакат на стенку прикрепили
Рядом с фотографией сынов.
Чай с пайковым сахаром допили
И в дорогу собрались вновь.
И хозяйке молвили с поклоном:
— Не проси нас оставаться, мать,
Нам итти по этому закону,
Бить врага, победу добывать.
Чтобы сбылись светлые надежды
Тех, кого еще гнетет полон,
Чтобы жил и властвовал, как прежде,
Нашей правды основной закон.

ЗЕМЛЯ УКРАИНСКАЯ

Тот горестный день мы забудем едва ли,
Когда, задыхаясь в дыму и в пыли,
Бойцы под немецким огнем целовали
Последнюю пядь украинской земли.

Старуха стояла с ведром у криницы,
Хоть мучила жажда—мы пить не могли.
Глазами ее, от которых не скрыться,
Глядела печаль украинской земли.

Дрожали ее материнские руки,
Плескалась в железной цеберке вода...
А нас уводили дорогой разлуки
Великое горе, большая беда.

Солдатской присягой, слезами мужчины,
На нашем оружьи клялись мы тогда:
С тобой, Украина, с тобой, батькивщина,
Мы сердцем и думой везде и всегда.

Листвой тополиной, днепровскою синью
Шумишь ты и плещешь над каждым бойцом.
И кажется, горечь приволжской полыни
Внезапно полтавским пахнет чебрецом.

Ты снишься нам прежней: в черешнях и звездах
В огнях Днепрогэса, в колосьях жнивья.
Ветра к нам доносят твой голос, твой воздух
Мы дышим тобою, мы слышим тебя.

У Дона мы славу свою проносили,
Над Волгой мы нежность твою сберегли.
И, где бы мы ни были, ворогу мстили
За каждую пядь украинской земли.

Мы шли сквозь пожары, в грядущее глядя,
И Волга Днепром нам казалась порой;
И даже Мамаев курган в Сталинграде
Вздымался Батыевой древней горой.

И вот в серебристой сверкающей пыли
Маячат криница и тополь вдали...
Встречай, Украина! Мы снова вступили
На первую пядь украинской земли.

Вставай, Украина! За темным порогом
Зажги очага материнского свет.
Ты видишь разлуки седая дорога
Становится светлой дорогой побед.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Мы встречаем двенадцатый час
В нерушимом солдатском строю.
Пролетают снежинки у глаз...
— Пой, товарищ, и я запою!

Новогодняя ночь не темна!
Хоть и звезды не светят над ней,
Точно знамя, обшита она
Золотой бахромою огней.

Не прошел — прогремел, просверкал
Фронтовой полыхающий год.
Тот, кто в этом году устоял,—
Тот Бессмертье на праздник зовет!

И над праздничной кружкой вина
Вспоминает без слез, как солдат,
Как испить довелось нам до дна
Чашу горьких обид и утрат.

Но недаром, друзья, напролом
Мы прошли сквозь огонь и металл!
И сегодня за нашим столом
Поднимает Победа бокал.

Встать, товарищи! Грянем „ура“,
Пусть веселье шумит у стола!
Наша Стойкость — Победы сестра —
К нам сегодня на праздник пришла.

Стойкость — страж сталинградских ночей,
Стойкость — ворогов наших гроза.
От ее неусыпных очей
Даже смерть отводила глаза!

Тем, кто рвется вперед напролом,
Не страшны ни огонь, ни пурга.
Жизнь пирует за нашим столом,
Смерть стоит за плечом у врага.

Ну, так выпьем последний глоток
За хорошее слово — Вперед!
В нем и ветер победных дорог,
И шаги наступающих рот.

Пусть же грянет двенадцатый час,
Как последнего боя сигнал,
Ведь недаром сегодня за нас
Поднимает Победа бокал!

Редактор майор *Юр. Костюк*

Г43452. Подписано к печати 3.2.43. Объем 1 печ. лист. Заказ 346.

Типография № 1 Полиграфиздата.

Стойкость —
Стойкость —
От ее неусы
Даже смерть

Тем, кт
Не стра
Жизнь
Смерть

Ну, так вы
За хороше
В нем и в
И шаги на

Пусть
Как
Ведь
Под

Г4
1

Типограф